

Роман Антропов

Поцелуй бронзовой девы

Роман Лукич Антропов

Поцелуй бронзовой девы

(Гений русского сыска И. Д. Путилин #5)

«Скромный служитель алтаря приветствует вас, сын мой. Исповедь – великое дело... – ласково проговорил тучный, упитанный настоятель-ксендз... Н-ского варшавского костела, когда перед ним за исповедательными ширмами предстала высокая, стройная фигура молодого красавца графа Болеслава Ржевусского, сына местного магната. – Облегчите свою душу чистосердечным покаянием...»

Содержание

Глава I. Бурная исповедь	0005
Глава II. «Спасите графа!»	0011
Глава III. Путилин в Варшаве. В замке старого магната	0016
Глава IV. Тайный трибунал святых отцов. Смертный приговор	0026
Глава V. «Героическое» средство. Письмо к каштеляну N-ского костела	0033
Глава VI. Ночная процессия	0039
Глава VII. Поцелуй бронзовой девы	0045

**Роман Лукич Антропов
Поцелуй бронзовой девы**

Глава I. Бурная исповедь

Скромный служитель алтаря приветствует вас, сын мой. Исповедь – великое дело... – ласково проговорил тучный, упитанный настоятель-ксендз... N-ского варшавского костела, когда перед ним за исповедательными ширмами предстала высокая, стройная фигура молодого красавца графа Болеслава Ржевусского, сына местного магната. – Облегчите свою душу чистосердечным покаянием.

– Я прихожу к вам, отец мой, в последний раз... – несколько неуверенно начал молодой граф.

– Почему в последний раз?

– Потому что я люблю и скоро собираюсь жениться.

– Но разве женатые не исповедуются, сын мой? – удивленно вырвалось у служителя католической церкви.

– Вы не дали мне докончить. Я люблю русскую, я собираюсь жениться на православной.

Лицо ксендза как-то сразу потемнело и сделалось угрюмо-суровым.

– Что ж... – усмехнулся он. – Таких случаев, к прискорбию, немало... Это – дело вкуса и известного влечения. Но, конечно, вы сами будете пребывать в лоне святой католической церкви?

Молодой граф отрицательно покачал головой.

– Нет... – твердо произнес он.

– Как?! Вы...

Ксендз-исповедник даже отшатнулся, отпрянул от молодого человека.

– Я перехожу в православие. Родители моей невесты ставят непременно условием нашего брака мой переход из католичества в православие.

– И вы? – сурово, гневно спросил один из верных слуг ордена Игнатия Лойолы[1].

– И я принял это условие.

Какие-то хриплые звуки вырвались из груди духовника-иезуита.

– Я... я не верю своим ушам... Я не хочу, не могу этому верить, вы шутите...

– На исповеди не шутят, отец мой... – серьезно ответил молодой граф.

– Вы, вы – единственный отпрыск высоко-

чтимого рода Ржевусских, самых пламенных и верующих католиков, переходите в иную, чужую веру?

– Чужая вера? Что это за странное определение, отец мой? Разве Бог – не один и тот же? Разве есть специально православный Христос и специально католический Христос.

– Не смешивайте Господа с церковью! – гневно прошептал исповедник.

– Я вот именно и не смешиваю, это делаете вы, разделившие Христа на разные алтари разных церквей... – в тон ему ответил взволнованно граф.

– Берегитесь! Вы богохульствуете.

Глаза фанатика-ксендза загорелись бешеным огнем.

– Я? Вы ошибаетесь. Если бы я переходил в магометанство или в иудейство – я мог бы понять взрыв вашего негодования, вашей духовной скорби. Но я перехожу в ту веру, которая высоко чтит Бога Христа. Что же это вас так устрашает, отец мой?

– Вы переходите в веру тех, которые являются врагами нашего народа, ваших отцов, матерей, сестер и братьев.

– Позвольте, отец мой, вы затрагиваете уже ту область, которая менее всего может касаться вопроса веры, религии: вы переходите на политику. Но разве это уместно здесь, в храме, на исповеди, перед святым Распятием? Или католическое духовенство отлично совмещает в себе служение политическим интригам со служением Богу?

Лицо ксендза стало багрово-красным.

– Еще раз повторяю вам: берегитесь! Вы начинаете издеваться над священнослужителями католической церкви. Вы с ума сошли! О, я узнаю в этом проклятое влияние православных изуверов... Сколько вы получили наставлений от их попов?..

– Мне стыдно за вас, отец мой... – отчеканил молодой граф. – Вы – слуга Милосердного Бога – позволяете себе предавать проклятию в святом месте таких же правоверных христиан, таких же христианских священнослужителей, как и вы сами.

– О, подлый орден Игнатия Лойолы живуч! Вы – оптом и в розницу торгующие Богом – вы остаетесь верны проклятому, вовсе не христианскому, завету: «Цель оправдывает сред-

ства». И вы, славшие людей на костер ad maiorem Dei gloriam (для вящей славы Бога), действительно не брезгуете никакими средствами. Я не ребенок, отец мой... Мне отлично известны проделки католического духовенства, менее всего думающего о догмах христианского евангелия. Прощайте. Я ухожу отсюда примиренным с Богом, но не с вами.

И, поклонившись, граф повернулся, чтобы выйти из исповедальни. Секунду ксендз-исповедник стоял пораженный, словно оглушенный... Потом он вздрогнул и резко крикнул:

– Стойте, граф! Я вас предупреждаю, что сегодня же я сообщу об этом вашему отцу. Посмотрим, как отнесется он к вашему ренегатству.

– Вы сообщите? Но разве духовник имеет право рассказывать кому бы то ни было о том, что ему говорилось на духу?

– Для спасения погибающей души... для торжества церкви... – залепетал ксендз-иезуит.

Молодой граф рассмеялся.

– Ну, разве я не прав, когда только что сказал, что у вас – «цель оправдывает средства»?

Вы вот готовы быть клятвопреступником, дабы выслужиться перед вашим орденом, а заодно... и перед знатным, богатым магнатом.

– Погодите, стойте! – исступленно схватил за руку графа верный прислужник католической церкви. – Я умоляю вас именем Бога отказаться от этого безумного решения!

– Нет! – резко ответил Ржевусский.

– Но вы забываете одно, что Бог иногда очень сурово карает вероотступников. Знаете ли вы это, безумец? – свистящим шепотом пронеслось по исповедальне.

Глаза ксендза сверкали. Что-то молчаливо-угрожающее было видно в этом сверкании, было слышно в этом шепоте.

– А-а... – отшатнулся от него молодой граф. – Я вас понимаю, святой отец: вы грозите мне мезтью не Бога, а мезтью его служителей? Что ж, я и этого не боюсь... Работайте, старайтесь, но не забывайте, что теперь – не средние века, что ужасы святой Инквизиции отошли в область мрачных, отвратительных преданий. Прощайте!..

Глава II. «Спасите графа!»

Перед Путилиным в его служебном кабинете сидел посетитель с дорожной сумкой через плечо. Это был красивый, моложавый старик, очень симпатичный, с манерами старого барина былых годов.

– Сколько же прошло уже дней, как исчез молодой граф, господин Ракитин? – спросил посетителя Путилин.

– Около недели.

– А почему вы полагаете, что он исчез?

– Потому что никогда не бывало, чтобы он не являлся так долго к нам. В последнее время, когда он попросил у меня руки моей единственной дочери и сделался ее женихом, он приезжал к нам ежедневно.

– Скажите, пожалуйста, господин Ракитин, а в замке графа Ржевусского, его отца, вы не узнавали о молодом человеке?

– Нет, господин Путилин. Вот уже несколько месяцев, как мы прекратили знакомство домами.

– Для пользы дела мне необходимо знать причину этого разрыва.

– О, это не составляет ни тайны, ни секрета... Причиной окончательного разрыва послужил резкий спор о России и «Крулевстве Польским». Граф Сигизмунд Ржевусский, гордый, надменный магнат, высказал такую непримиримую ненависть ко всему русскому, что меня взорвало. Мы расстались врагами.

– Предполагаемый брак его сына с вашей дочерью, конечно, не мог встретить согласия и сочувствия старого графа?

– Безусловно. Я говорил об этом Болеславу, на что он ответил, что личное счастье ему дороже вздорных прихотей его отца.

– Вы не знаете, он имел все-таки объяснение по этому поводу с отцом?

– Не знаю. До последнего дня нашего свидания он ничего не говорил об этом.

– Не можете ли вы рассказать мне что-нибудь о вашем последнем свидании с молодым графом?

– Он приехал к нам к обеду. Как и всегда, был бесконечно нежен с моей дочуркой, но я заметил, что он находится в несколько приподнятом состоянии духа.

– Ого, он был взволнован? Вы не спраши-

вали его о причинах?

– Он сам со смехом бросил вскользь, что его страшно разозлил духовник.

– По какому случаю он виделся с ним?

– Он отправился на исповедь. Затем, уезжая, он сказал мне, что ему хотелось бы ускорить свадьбу, обещал приехать на другой день, но – увы! – с тех пор мы его более не видели. Мы в отчаянии, дорогой господин Путилин. Горе моей девчурки не поддается описанию. Она все время твердит, что с ним, наверно, случилось какое-нибудь несчастье. Откровенно говоря, у меня самого являются тревожные мысли.

– Скажите: старый граф любит своего сына?

– Безусловно. Но, как однажды с горечью вырвалось у молодого человека, старый надменный магнат любит не его душу, не его сердце, а в кем – самого себя. Он, Болеслав, в глазах отца – единственный продолжатель «знаменитого» рода Ржевусских, его блестящий представитель, тот, кем можно гордиться. Если вы знакомы с поразительной спесью польских магнатов, с их фанатизмом, вам бу-

дет ясно и понятна любовь старого графа к своему сыну. И вот я решил обратиться к вам. Вы, только вы один, господин Путилин, можете пролить свет на это загадочное исчезновение бедного молодого человека, которого я люблю, как родного сына. Спасите его!

Путилин сидел в глубокой задумчивости. Какая-то тревожная мысль пробегала по его симпатичному, характерному лицу.

– Не правда ли, ваше превосходительство, вы не откажете нам с дочуркой в этой горячей просьбе?

Путилин поднял голову.

– Я нахожусь в очень щекотливом положении, господин Ракитин: вмешиваться официально в это дело мне не только неудобно, но я даже не имею права. У меня нет никаких данных для подобного вмешательства. Во-первых, заявление об исчезновении молодого графа должно исходить от отца, а не от частного лица, каким в данном случае являетесь вы; а во-вторых... в Варшаве имеется своя сыскная полиция.

– Значит, вы отказываетесь? – с отчаянием в голосе воскликнул старый барин.

Путилин опять задумался.

– Ну ладно, хорошо. Я попытаюсь. Ваше дело меня очень заинтересовало.

– Слава Богу! Как мне благодарить вас... – рванулся Ракитин к Путилину.

Глава III. Путилин в Варшаве.

В замке старого магната

Всю дорогу до Варшавы мы ехали в отдельном купе 1-го класса, Путилин не спал.

Он был окружен целым рядом толстых фолиантов.

– Pater noster! Qui est in Coelum... Credo in aeternam vitam[2]... – бормотал великий, благороднейший сыщик.

– Что это, И. Д., никак ты на старости лет за изучение латыни принялся? – спрашивал я в сильном изумлении.

– Спи, спи, доктор! – невозмутимо отвечал он.

Вот и гордая, пышная столица бывшего Польского Крулевства. Мы приехали в Варшаву в те достопамятные дни, когда она глухо волновалась.

В роскошном номере Центрального отеля, где мы остановились, Путилин принялся спешно переодеваться. Он облачился в безукоризненный длинный черный сюртук, надел крупный орден.

– Что значит этот парад, И. Д.? – спросил я не без удивления.

– Я еду сейчас с визитом.

В великолепной – с белыми колоннами – зале граф Ржевусский заставил очень долго ждать себя. Наконец послышались шаги, в зал вошел старый магнат. Не подавая руки и слегка лишь наклонив полуседую гордую голову, он холодно спросил:

– Чем обязан видеть у себя пана... пана Путилина? – Он поднес визитную карточку Путилина к самому своему носу, обидно-небрежно вчитываясь в то, что на ней стояло.

– Сейчас я буду иметь удовольствие объяснить пану... пану Ржевусскому цель моего визита... – ответил ему в тон «пан» Путилин.

Это простое «пану Ржевусскому» вместо «пану-графу», по-видимому, было равносильно для старого магната удару хлыста. Огоньки гнева вспыхнули в его глазах. Голова надменно откинулась назад.

– Я не знаю «пана Ржевусского», я знаю графа Ржевусского... – резко проговорил он с сильным акцентом.

– Равно как я не знаю «пана Путилина», а

знаю его превосходительство господина Путилина, начальника петербургской сыскной полиции, – насмешливо ответил ему Путилин.

– Попрошу вас ближе к цели. Что вам угодно?

– Прежде всего – сесть. Не знаю, как принято в Варшаве, но у нас в Петербурге я это любезно предоставляю каждому из моих посетителей-гостей.

Магнат побагровел от неловкости и гнева.

– Прошу вас... – сделал он величественный жест рукой, точно феодальный герцог, принимающий своего ленного вассала[3].

– Изволите ли видеть, граф, возвращаясь из-за границы и очутившись в Варшаве, я случайно узнал об исчезновении вашего сына, молодого графа Болеслава Ржевусского... – начал Путилин, не сводя пристального взгляда с лица старого магната.

– Случайно? Должен сознаться, что случайность играет большую роль в вашей профессии... – саркастически прервал его граф.

– Вы правы: в деле раскрытия массы преступлений и поимке многих негодяев случай – могущественный пособник правосудию.

– Ну-с?

– Узнав об этом, я решил проверить справедливость этих слухов и с этой целью явился к вам.

– Прошу извинить меня, но... для чего?

– Для того, чтобы предложить вам свои услуги, раз эти слухи справедливы.

Путилин чувствовал на своем лице острый, пронизывающий взгляд надменного магната.

– Могу я узнать, ваше превосходительство, откуда до вас донесся слух об исчезновении моего сына, графа Болеслава Ржевусского.

– Случайно в зале первого класса вокзала до меня долетели обрывки разговора компании молодых людей, принадлежащих, по-видимому, к лучшему обществу Варшавы.

– Прошу извинить пана... pardon! генерала, но мне было бы любопытно узнать, отчего вы так заинтересованы участью пропавшего, как вы говорите, графа – моего сына.

– Если вам угодно, я скажу вам совершенно откровенно. Очень еще недавно судьба привела меня спасти от смертельной опасности исчезнувшего таинственным образом сы-

на петербургского миллионера-купца Вахрушинского.

— Я знаю этот ваш блестящий розыск... — почему-то очень взволнованно проговорил старый граф.

— Тем лучше. Так вот, услышав об исчезновении вашего сына, у меня мелькнула мысль: а что, если и в данном случае мы имеем дело с каким-нибудь тайным преступлением? Я поспешил приехать к вам, граф, и, признаюсь, ожидал с вашей стороны более любезного и сердечного приема. Прошу вас не забывать, что я действую совершенно бескорыстно.

Старый магнат взволнованно приподнялся с золоченого кресла и стал нервно ходить по залу. Видимо, какая-то упорная, глухая борьба происходила в душе этого гордого, надменного человека. Моментами он останавливался, словно хотел подойти и что-то сказать своему непрошеному гостю, но то, что боролось в нем, противилось этому. Путилин сидел бесстрастно-спокойный, скрестив руки на груди.

Вдруг старый граф круто остановился перед Путилиным и хрипло произнес:

– Да, мой сын, мой единственный сын действительно исчез бесследно вот уже девять дней...

– И вы не тревожитесь этим исчезновением, граф? Горький смех, в котором зазвенели сарказм, гнев, обида, тревога, пронесся по роскошной зале замка старую магната.

– А будь вы кто хотите: пан генерал, черт или святой, а я вам скажу, что не тревожусь, особенно потому, что я знаю, где находится мой сын!

Граф хрустнул пальцами.

– Вы... вы знаете, где находится ваш сын? – Путилин даже привстал в сильнейшем изумлении.

– Да. Лучше, чем кто-либо, лучше, чем сыскная полиция всего мира.

– Вы простите меня, граф, но, ради Бога, почему же вы не пытаетесь отыскать его, вызволить из того плена, куда он попал по неосторожности или же по неосмотрительности? Еще раз повторяю: мои, может быть, непрошено-нескромные вопросы продиктованы только чувством искреннего желания помочь вашей беде.

– Га! – бурно вырвалось у старого Ржевусского. – Вы спрашиваете: почему я не делаю попытки спасти моего сына, мою гордость, мою единственную утеху в жизни. Извольте, я вам скажу тоже откровенно: потому что это – бесполезно, потому что этого плена сам желал и добивался мой сын.

– Я вас не понимаю, граф... – искренно вырвалось у Путилина. Жилы напряглись на щеке и висках старого магната.

– Его сгубила проклятая любовь! Исчезновение Болеслава – дело рук проклятых Раки-тиных.

– Что?! – переспросил Путилин. Он провел рукой по лбу, словно стараясь привести свои мысли в порядок.

Граф Ржевусский с удивлением поглядел на него.

– Что с вами?

– Вы... вы даете мне честное, благородное слово графа Ржевусского, что все, что вы сказали сейчас, – святая правда?..

– Я никогда не лгал! – гордо ответил один из варшавских феодалов.

– В таком случае... я боюсь, что ваш сын

действительно или уже погиб, или на краю гибели.

– Во имя Пречистой Девы, что означают ваши слова?! Вы что-нибудь знаете?

Как изменилось это холодное, надменное лицо! Сколько чисто отцовской любви и страха засветилось в глазах!..

– Знаю. Слушайте, граф.

И Путилин шаг за шагом начал рассказывать ошеломленному графу о приезде Ракитина, о том, как тот умолял его спасти молодого человека.

– Это... это – правда?

Лицо графа было смертельно бледно. Пот проступил на лбу.

– Правда, граф.

Маленький золоченый столик, на который опирался магнат, упал на блестящий паркет зала.

– Так... так где же мой сын, ваше превосходительство? – с ужасом прошептал он.

– Вот для того, чтобы узнать это, я и приехал к вам в Варшаву. Как видите, ваше сиятельство, моя профессия не всегда заслуживает такого обидно-пренебрежительного отно-

шения, каким вы подарили ее.

Граф взволнованно подошел к Путилину.

– Простите меня. Вы как умный человек отлично поймете те чувства, которые обуревали меня. Я против этого брака. Кто может осудить меня за это? Разве каждый отец не относится любовно-ревниво к своему детищу?

– Простите, граф, теперь нам некогда говорить об этом. Надо спасти вашего сына.

– Да, да! – рванулся польский магнат к своему врагу – начальнику русской сыскной полиции. – Теперь и я вас умоляю: спасите Болеслава! Я весь к вашим услугам. Угодно вам переехать из гостиницы в мой замок? Распоряжайтесь, как вам угодно.

– Благодарю вас, но как раз этого не надо делать. Если вам угодно, чтобы я спас вашего сына – если это только не поздно – я вас попрошу держать мой приезд в Варшаву в полной тайне. Я буду являться к вам, когда мне потребуется. Мой пароль – «Pro Christo mori» – «умираю за Христа».

Путилин, сопровождаемый графом, направился к двери. В ту секунду, когда он взялся за

дверную ручку, послышался голос:

– Libertas serenissime?[4]

– Amen! – ответил граф. – Аминь!

Быстрее молнии Путилин прикрыл рукой свой орден и, когда отворилась дверь и на пороге показалась фигура упитанного патера, громко по-польски обратился к магнату:

– Имею высокое счастье откланяться вашему ясновельможному сиятельству...

Глава IV. Тайный трибунал святых отцов. Смертный приговор

Низкая сырая комната со сводчатым потолком тонула в полумраке.

В этой тьме скрывались очертания каких-то странных, непонятных предметов: высокой лестницы, жерновов, жаровен, колодок. Чем-то бесконечно унылым, страшным веяло от всей обстановки этого непонятного помещения.

Колеблющийся свет длинных толстых свечей, вставленных в высокие подсвечники-канделябры, бросал багровые блики на каменные стены, на сводчатый потолок, с которого порой сбегали капли воды и падали со стуком на плиты комнаты.

За длинным столом, на котором горели эти странные свечи, сидело семь человек, все с характерными лицами католических служителей церкви – иезуитов, в обычных рясах-сутанах.

– Итак, – начал сидящий посередине за сто-

лом высокий худощавый человек в фиолетовой сутане, с резко очерченным лицом, к которому особенно почтительно относились все иные присутствующие, – нам предстоит, св. отцы, сегодня поставить окончательный приговор по делу молодого безумца.

– Так, ваша эминенция[5], – послышался почтительный ответ заседающих.

– Вы, конечно, все осведомлены о причине нашего конклава[6] в этом печальном, но необходимом для пользы св. церкви месте? Вам известно со слов тайного донесения до-стопочтенного духовника графов Ржевусских о преступлении молодого графа? Да? Теперь, стало быть, мы можем перейти ad consultationem... на совещание. Я ставлю два вопроса: виновен ли безумец в преступлении ad ferendam, то есть в таком, которое он собирается совершить, и, если виновен, то к какому наказанию он за это должен быть присужден. Ваши аргументы, св. отцы?

– Виновен... виновен... виновен... – раздались голоса.

– Более мотивированно? – отдал приказ его эминенция.

– Переход в лоно проклятой православной церкви... Поношение святой католической; издевательства и насмешки над нами, скромными ее служителями. Это – *maxima culpa*[7], это – измена Христу.

– И, взвесив все это, какое наказание?..

Минуту в комнате со сводчатым потолком царило молчание.

– *Mors*... Смерть! – погребальным эхом пронеслось по помещению, где заседал, тайный трибунал «святых» отцов.

– *Sis*. Так. Но все это было *contra*... «против» обвиняемого. Не найдется ли голос и *pro*, «за» него?

– Прошу благословения св. отцов во главе с вами, ваша эминенция, но я думал бы, это наказание не соответствует преступлению, которое юноша собирается совершить.

– Как?! – в один голос воскликнули заседающие.

– Виноват, я не так сформулировал мою мысль... – смутился престарелый служитель католического Христа. – Я хотел сказать, что тут – *juventas*... молодость... Любовь... легкомыслие... кроме того, ради высокочтимого

графа Сигизмунда Ржевусского нам бы следовало пощадить жизнь его единственного сына... Он оказывал столько услуг нашей св. церкви...

– Ваши ответы? – обратился к св. отцам его эминенция.

– Отдавая должное любвеобильному сердцу моего сослужителя во Христе, я считаю, однако, необходимым резко разойтись с ним во мнениях, и вот по каким причинам, – послышался елейно-сладкий голос доносчика-предателя, исповедника N-ского костела. – Во-первых, *primo*: в это политически-смутное время, которое мы переживаем, нам нужны верные католики, а не перебежчики-ренегаты. Если сегодня ради прекрасных глаз «москальки» обвиняемый готов переменить религиозную веру, то... поручитесь ли вы, св. отцы, что на завтра, ради еще более прекрасной наружности новой еретички, он не променяет и свою политическую веру, свое народное *credo*? Где же наш политический патриотизм?

– Верно... верно... – прокатилось под мрачными сводами.

– Я продолжаю, secundo, во-вторых: допустим, юноша раскается... Ужас объял его душу... Он будет просить о помиловании. Но... Откуда мы его выпустим? Это вы приняли в соображение? Разве это наше тайное прибежище под рекой Вислой, где мы укрепляем веру и тайно собираемся для важнейших решений, уже не должно составлять величайшего секрета для наших врагов? А если выпущенный безумец-граф предаст нас?.. В таком случае для чего же было изобретать название «Unum ets hoc iter ad mortem»[8].

– Верно... верно! Смерть, смерть! – слышались теперь уже возбужденные голоса.

– Но какая?

– Я полагал бы... мы думали бы... Поцелуй Бронзовой Девы!

Тот, кто заступился за обвиняемого, в ужасе закрыл лицо руками.

– Это чересчур жестоко... – еле слышно вылетело из-под капюшона.

– Приведите сюда обвиняемого! – бесстрастно отдал приказ старший из судей – духовных лиц.

Прошло несколько минут. Где-то слы-

шался резкий скрип двери, раздались гулкие шаги по каменным плитам коридора, дверь в судилище распахнулась, и на пороге вырисовалась высокая стройная фигура молодого человека.

– Потрудитесь приблизиться к столу, граф Болеслав Ржевусский! – сурово проговорил иезуит в фиолетовой рясе.

Голова молодого человека гордо откинулась назад. В глазах засверкало бешенство. Он сделал несколько шагов по направлению к своим неведомым судьям и резко спросил:

– Кто вы? На каком основании и по какому праву вы смеете мне приказывать? Честное слово, я начинаю думать, что имею дело с бандой каких-то негодяев.

– Вы слышите? – прошептал настоятель Н-ского костела.

– Меня обманнным образом – по подложной записке – залучают в пустынное место, хватают, везут и, точно преступника, заключают в каземат какого-то проклятого подземелья. Что вам надо от меня? Что должна означать вся эта подлая комедия? Если вам угодно денег, выкупа, извольте. Я вам их дам, подави-

тесь проклятым золотом, но потрудитесь немедленно выпустить меня на свободу.

– Вы спрашиваете, кто мы. Мы – тайный трибунал, блюдуший высшие интересы св. церкви... – еще более сурово проговорил его эминенция.

– Это... что же такое: нечто вроде Совета десяти великой святой Инквизиции? – насмешливо спросил молодой граф.

Но помимо воли смертельная бледность покрыла его лицо.

– Вы можете богохульствовать: перед смертью у вас еще хватит времени раскаяться в ваших страшных грехах.

– Перед... смертью? – вздрогнул Ржевуский. – Вы шутите, св. отец?

– Увы, бедный безумец, мои уста еще никогда не произносили шуток. Мы обсудили ваше преступление. Оно ужасно: вы изрекли ужасную хулу на церковь. Нашим совместным решением вы приговариваетесь к смертной казни через поцелуй Бронзовой Девы. Вы обручитесь с ней на вечную жизнь.

– Что?! – воскликнул молодой человек и пошатнулся.

Глава V. «Героическое» средство. Письмо к каштеляну N-ского костела

Я провел первую ночь в Варшаве отвратительно. Вы поймете причину этого, если я вам скажу, что Путилин, уехав вечером к графу Ржевусскому, вернулся только... в 6 часов утра!

При виде его вздох радости вырвался у меня из груди.

Путилин шаг за шагом ознакомил меня со своим визитом к старому магнату.

– Скажу тебе, доктор, откровенно, что случившееся явилось для меня полной неожиданностью: у меня ведь было нешуточное подозрение на участие в деле исчезновения молодого графа самого отца.

Лицо Путилина было угрюмо-сосредоточенное.

И если я прежде не тревожился за жизнь юноши, то теперь я уверен, что она висит на волоске. Это дело куда серьезнее дела об исчезновении сына миллионера Вахрушинско-

го с «белыми голубями и сизыми горлицами».

– Как, опаснее даже этого?

– Безусловно. Там, несмотря на весь ужас, который мог произойти с молодым человеком, он все-таки остался бы жив. А тут – смерть, и навверное, лютая, мучительная.

– Прости, И. Д., но я не вполне тебя понимаю. Ты говоришь об опасности, угрожающей молодому графу, с такой уверенностью, точно ты знаешь, где он находится.

– Да, я это знаю.

– Как?! Ты это знаешь?

– Еще раз повторяю, знаю. Знаю так же, как знал на второй день розысков, где находится молодой Вахрушинский.

– Так, ради Бога, в чем же дело?

– В том, чтобы найти способ проникнуть туда, где он находится.

– Разве это так трудно?

– Поразительно трудно. Не забывайте, что не всегда приходится иметь дело с наивными сектантами-изуверами из простолюдинов или же из мещан-купцов российской закваски. Случается нарываться на демонов в шелковых одеяниях.

Я, каюсь, хлопал глазами.

– Всю эту ночь я выслеживал их.

– Кого: этих диаволов?

– Да. Среди них я заметил необычайное волнение: кажется, готовятся к кровавому каннибальскому пиру. В поисках известных нитей я чуть не утонул в этой проклятой Висле... Однако я еле стою на ногах. Я сосну часа два, а затем мне придется прибегнуть к героическому средству.

– Ты думаешь обратиться к содействию властей? Мой друг усмехнулся, отрицательно покачав головой.

– Нет, доктор, это было бы самое нежелательное. К этому прибегнешь ты, если... если со мной случится несчастье.

– Ну, что? – взволнованно спросил граф Сигизмунд Ржевусский Путилина, приехавшего к нему с условленным паролем «pro Christo mori». – Но, Боже мой, что с вами, ваше превосходительство? Вас не узнать... вы ли это?

Перед магнатом стоял человек с круглым одутловатым лицом без бакенбард.

– Мои бакенбарды до времени спрятаны,

граф... – усмехнулся Путилин. – Дело, однако, не в них, а в вашем сыне.

– Вы узнали что-нибудь?

– Да, кое-что и очень невеселое. Ваш сын в смертельной опасности.

Граф побледнел.

– Но где он? Что с ним?..

– В точности я не могу вам этого сказать, да и некогда. Сейчас вы должны предпринять нечто.

– Я?

– Да. Садитесь и пишите письмо.

– Кому? – пролепетал совсем сбитый с толку надменный магнат.

– Вы это сейчас узнаете. Прошу писать, ваше сиятельство, следующее: «Любезнейший радге Бенедикт! Чувствуя себя очень скверно, прошу Вас немедленно посетить меня. Граф С. Ржевусский».

– Як Бога кохам, я ничего не понимаю! Зачем мне приглашать настоятеля N-ского костела?

– Вы желаете спасти вашего сына? – резко проговорил Путилин, пристально глядя в глаза графу.

– О! – только и вырвалось у магната.

– В таком случае я вас попрошу беспрекословно следовать моим распоряжениям.

– Но что я буду с ним, делать?

– Вы, разыгрывая из себя больного, настойчиво попросите его остаться в замке и провести с вами всю эту ночь... во всяком случае до того времени, когда я приду к вам.

– А... а если он не согласится, ссылаясь на свои важные нужды?

– Тогда вы употребите насилие над «св. отцом», то есть попросту не выпустите его из замка, хотя бы для этого вам потребовалось вмешательство вашей челяди.

– Помилуйте, господин Путилин, вы требуете невозможного! – воскликнул испуганно граф. – Ведь это – скандал, преступление, разбой. Какое я имею право производить насилие над человеком, да к тому же еще духовным?

– В случае чего – ответственность я приму на себя. Впрочем, если вам не угодно, мне останется покинуть вас.

– Хорошо! – с отчаянием махнул рукой старый граф.

Через час перед замком его остановилась карета, из которой вышел католический священник. Прошло минут сорок – и он вышел из замка обратно.

Очевидно, старый магнат не исполнил приказания Путилина.

Глава VI. Ночная процессия

Два багровых восковых факела и несколько зажженных свечей в церковных канделябрах тускло освещали странную процессию, двигавшуюся по темным длинным коридорам. Тут царил такой зловещий густой мрак, что этого света хватало только на то, чтобы не споткнуться, не удариться о стены.

Вслед за двумя фигурами в черных рясах шел высокий худощавый человек, за ним – попарно – шесть лиц.

– Не думал я, что мне придется совершать это печальное путешествие... – раздался под мрачными сводами резкий, властный голос.

– Что делать, ваша эминенция. *Sis Deus vult. It.* Так хочет Бог.

– Осужденный предупрежден, что казнь произойдет сегодняшней ночью?

– Пока еще нет. *Misericordias causa...* ради сострадания к юному безумцу-святотатцу час искупления греха не торопились сообщать ему заранее.

И опять жуткое безмолвие, молчаливое шествие таинственной процессии.

Но вот пол коридора стал как бы покатым, словно он спускался вниз.

– Осторожнее, ваше эминенция, здесь так скользко... – слышались вкрадчиво-льстивые голоса.

Воздух сразу изменился. Повеяло невероятной сыростью, точно от болота. Пол стал влажным, откуда-то сверху падали крупные капли холодной воды.

Свет факелов и свечей заколыхался вздрагивающими языками, словно под порывом вырвавшегося воздуха. Лязгнули замок и засов железной двери, пахнуло еще большей отвратительной сыростью, и процессия стала осторожно спускаться вниз.

Казалось, точно неведомые существа-призраки, появившись на земле, вновь устремляются в ее таинственные недра.

– Однако с последнего раза сколько воды прибавилось здесь! – прозвучал опять тот же резкий голос.

– Как они смеют?! Как они смеют?! – В бешенстве юный граф бросался к железной двери, что есть силы колотил в нее руками и но-

гами.

– Пустите меня! Вы, преступники, палачи, слышите ли вы меня?

Ни звука. Ни шороха. Точно в могиле. Тогда он бросался к окну и каждый раз в ужасе отшатывался...

И вспомнились ему угрожающие слова: «Смотрите! Бог иногда мстит вероотступникам...» Но ведь он не отступился от Христа. А какой же есть еще Бог? «Вы приговариваетесь к смерти через поцелуй Бронзовой Девы», – погребальным звоном гудит в его ушах приговор судей-палачей. Болеслав Ржевусский громко, жалобно зарыдал.

Вдруг он вскочил и с каплями холодного пота на лбу стал прислушиваться. Что это? Голоса? Шаги? Да, да, все яснее, ближе... Вот уже у самых дверей его каземата. Он задрожал всем телом, выпрямившись во весь рост.

С протяжным скрипом раскрылась дверь. На пороге со свечами в руках стояло несколько фигур, одетых в рясы-сутаны.

– Так как вам трудно говорить, о. Бенедикт, то позвольте мне вместо вас напутствовать на смерть и поддержать дух преступника... –

донеслось точно издалека-издалека до несчастного молодого графа.

Два монаха-иезуита торжественно внесли какое-то белое одеяние.

– Что это... что это значит? Что вам надо? – в ужасе попятился от вошедших Болеслав Ржевусский.

– Сын мой! – начал торжественным голосом старый монах-иезуит. – Вы уже выслушали смертный приговор, произнесенный вам тайным трибуналом святых отцов. Соберитесь с духом, призовите на помощь Господа. Этот приговор будет приведен в исполнение сейчас.

– Что? – дико закричал граф.

– Сейчас вы искупите ваши страшные грехи.

– Вы лжете! Слышите: вы лжете! Я не хочу умирать, вы – палачи, убийцы! Вы не смеете меня умертвить.

– Сын мой, все напрасно: еще ни один наш приговор не оставался без исполнения.

Два монаха приблизились к осужденному.

– Оденьте вот это одеяние, а свое скиньте. Это последний наряд приговоренных.

И они протянули обезумевшему от ужаса молодому человеку белый балахон с широкими разрезными рукавами, веревку и белый остроконечный колпак.

– Прочь! – исступленно заревел граф, отталкивая от себя служителя палачей. – Спасите меня! Спасите меня!

Безумный крик вырвался из камеры и прокатился по коридору.

– Я должен предупредить вас, сын мой, что если вы не облачитесь добровольно, придется прибегнуть к силе. Возьмите же себя в руки: вы умели бесстрашно поносить Святую церковь, умейте же храбро умереть. Я буду читать, а вы повторяйте за мной: *Pater noster, qui in coelum*[9]...?

– Помогите! – прокатился опять безумный крик ужаса, страха. Но веревка уже была ловко накинута на руки осужденного.

Граф рванулся – руки были связаны. Его повалили на соломенный матрац и насильно стали облачать в страшный предсмертный наряд.

– Свяжите ноги! – отдал приказ иезуит. – Готово? Поддерживайте его с двух сторон и

ведите!..

И скоро из камеры вышла белая фигура мученика-осужденного со связанными руками и спутанными ногами.

Глава VII. Поцелуй бронзовой девы

Шествие открывал престарелый па-тер-иезуит с распятием в руках. За ним, поддерживаемый двумя черными сутанами, шел осужденный граф. Теперь он не кричал, не сопротивлялся: предсмертный ужас овладел им. Сознание как-то совсем покинуло его.

Когда процессия поравнялась с той таинственной комнатой-судилищем, где был произнесен смертный приговор, из нее вышла новая процессия, которую возглавлял «его эминенция». У всех в руках были зажженные свечи.

При виде новых лиц граф Ржевусский словно пришел в себя.

С раздирающим криком он рванулся из рук державших его иезуитов.

– Во имя Бога, спасите меня! Пощадите меня!

– Вы призываете Бога?.. С каких пор вы, еретически поносивший Христа и Святую церковь, уверовали в него? – раздался резкий,

суровый голос.

– Неправда!.. Неправда! Клянусь крестом, я не поносил ни Бога, ни Святую церковь.

– Вы лжете! Вы говорили, что служители католической церкви, отцы-иезуиты, торгуют Христом оптом и в розницу.

– Но разве иезуиты равносильны Христу? – с отчаянием закричал граф.

– Вот видите: вы поносите тех, которые служат Его Величию... Довольно. В этом мире уста ваши не будут больше произносить хулы. Вы предстанете сейчас на суд Его самого.

По знаку, поданному старшим духовным лицом, мрачные своды страшного коридора огласились пением процессии.

– *Morituris laudare debet Deum*[10]... – слышались торжественно заунывные звуки реквиема.

Поняв, что все кончено, что спасения нет и не может быть, граф стал точно безумным.

Громовым голосом он старался заглушить страшное похоронное пение.

– Негодяи! Убийцы! Палачи! Вы оскверняете алтари. Руки, которыми вы держите распятие, обогрены кровью! Я умру, но моя смерть

жестоко отомститесь вам. Ваши проклятые гнезда будут разрушены...

– Ad misericordiam Christi ac santissimae Virginis Mariae[11] – все громче и громче гремит процессия.

– И они еще произносят имя Христа! О, подлые изуверы-богохульцы! – Лицо осужденного сделалось страшным. Колпак еретика слетел с его головы. – Будьте вы прокляты!

В конце коридора (в нише) виднелась бронзовая статуя Богоматери. Спокойно скрещенные руки, печать святой благодати и любви на св. челе.

– Что это... что это такое?

– Статуя Святой Девы.

– Но вы... вы приговорили меня к смерти через поцелуй Бронзовой Девы?

– Так.

– Так... как же я могу умереть через поцелуй святых бронзовых уст? Да не мучьте меня! Говорите! Я с ума схожу, палачи!

– Вы это узнаете... – загадочно ответил добровольный палач. – Где о. Бенедикт? Он должен дать последнее напутствие осужденному.

– Отца Бенедикта не было! Он исчез.

– Что это значит? Где же он? – строго спросил его эминенция.

– Не знаем... может, отлучился... Он, кажется, болен...

– Тогда исполните эту обязанность вы, о. Казимир. Молодой граф пошатнулся. Красные, синие, желтые, фиолетовые круги и звезды замелькали, закружились в его глазах.

«Конечно... все кончено... Смерть... идет... вот сейчас... Господи, спаси меня... Страшно... что со мной будут делать?»

Его глаза с ужасом, тоской и мольбой были устремлены на кроткий лик Бронзовой Богоматери.

– Спаси меня! Спаси меня! – жалобно простонал он.

– Вы должны покаяться в ваших грехах, сын мой... Скоро вы предстанете перед Вечным Судией.

– Не хочу! Пустите меня, пустите! – осужденный почувствовал, что его крепко держат и все ближе подводят-подталкивают к бронзовой статуе.

В груди все застыло. Волосы шевелятся на голове... Перед глазами – все, все прошлое, вся

жизнь, молодая, кипучая, радостная, с песнями, с любовью, цветами, с воздухом и солнцем.

– Говорите, повторяйте за мною, сын мой: «Обручаюсь я с тобою на жизнь Вечную, Святая Мария».

– Salve, o Santissima[12]... – грянули иезуиты, но в эту секунду громовой голос покрыл голоса певших:

– Стойте! Ни с места, проклятые злодеи!!!

Быстрее молнии из-за колонны выскочил Путилин и одним прыжком очутился около осужденного.

– Вы спасены, вы спасены, бедный граф! Мужайтесь!

Крик ужаса огласил своды инквизиторского логовища иезуитов. Они отшатнулись, замерли, застыли. Подсвечники со звоном выпали из рук палачей. Лица... нет, это были не лица, а маски, искаженные невероятным ужасом.

Путилин быстро разрезал веревки. Граф чуть не упал на плиты в обморок.

– Ну-с, св. отцы, что вы на это скажете?

Оцепенение иезуитов еще не прошло... Это

были живые статуи.

Путилин вынул два револьвера и направил их на обезумевших от страха тайных палачей св. ордена.

– Итак, во славу Божию, вы желаете замарать себя новой кровью невинного мученика? Bravo, негодяи, это недурно!..

Первым пришел в себя его эминенция.

– Кто вы? Как вы сюда попали?.. – пролепетал он дрожащим голосом.

– Кто я? Я – Путилин, если вы о таком слышали.

– А-а-ах! – прокатилось среди иезуитов.

– А попал я сюда вместе с вами, участвуя в вашей процессии.

– К... как?

– Так. Я ведь не только Путилин, но и о. Бенедикт! – злобно расхохотался великий сыщик.

– Негодяй... предал!.. – бешено вырвалось у монахов.

– Вы ошибаетесь. О. Бенедикт и не подозревает о моем существовании. Он преблагополучно беседует с графом Сигизмундом Ржевусским.

Молодой человек целовал руки Путилину.
– Что вы? Что вы? – отшатнулся Путилин.
– Вы спасли меня от смерти. Но от какой? Я
ничего не мог понять.

– Вы... вы ошибаетесь, граф! – вдруг ласково обратился его эминенция к графу. – Все это – святая шутка, чтобы поуготать вас... Мы и в мыслях не имели убивать вас... Вас решили наказать за ваши дерзости по адресу духовных лиц.

– Шутка? Вы говорите: шутка? Ха-ха-ха! Хороша шутка! Я вам сейчас покажу, какая это шутка. Не угодно ли вам, ваша эминенция, поцеловать Бронзовую Деву?

– Зачем... к чему... – побледнел важный иезуит, отшатываясь от статуи.

– А, вы не хотите? Вы трясетесь? Ну, так смотрите.

И Путилин, подняв с пола длинный факел, шагнул к статуе.

– Не ходите! Не смейте трогать! – закричал иезуит, бросаясь к Путилину.

– Ни с места! Или даю вам слово, что я всажу в вас пулю.

Он нажал факелом на бронзовые уста ста-

туи, и в ту же секунду руки Бронзовой Девы стали расходиться, и из них медленно стали выходить блестящие острые ножи-клинки. Но не только из рук появилась блестящая сталь. Из уст, из глаз, из шеи – отовсюду за-сверкали ножи. Объятия раскрылись, как бы готовые принять несчастную жертву, и затем быстро сомкнулись.

– Великий Боже! – простонал молодой граф.

– Вот какой поцелуй готовили вам палачи! В ту секунду, когда вы прикоснулись бы к устам Бронзовой Девы, то попали бы в чудовищные объятия. В ваши глаза, рот, грудь, руки вонзились бы эти острые клинки, и вы медленно, в ужасных мучениях, испустили бы дух.

Угрожая револьвером, Путилин выбрался со спасенным графом из мрачного логовища иезуитов.

Негласное секретное расследование уже не обнаружило статуи Бронзовой Девы. Очевидно, ее немедленно куда-нибудь убрали или совсем уничтожили.

Примечания

1

Т. е. ордена иезуитов. Игнатии Лойола (1491? – 1556) был его основателем.

[^^^]

2

Отче наш! Иже еси на небесах... Верую в
жизнь вечную (*лат.*)

[^^^]

3

Так в Западной Европе в эпоху феодализма называли вассалов, которые получали от сеньора (на условии несения службы) земельное владение или какой-либо другой источник дохода.

[^^^]

4

Свобода, ваша светлость? (*лат.*).

[^^^]

5

Титул католических епископов или кардиналов.

[^^^]

6

Конклав – совет кардиналов, собирающихся для избрания папы римского.

[^^^]

Величайшая вина (*лат.*)

[^^^]

8

«Это единственный путь к смерти» (*лат.*)

[^^^]

9

Отче наш, сущий на небесах (*лат.*) – первые слова молитвы (Евангелие от Матфея, 6,9).

[^^^]

10

Идущий на смерть должен восхваляй, господа
(лат.)

[^^^]

К милосердию Христа и Св. девы Марии
(лат.)

[^^^]

12

Приветствую тебя, о святейшая (*лат.*)

[^^^]